

На правах рукописи

Ма Вэньин

**АНТРОПОНИМИКА РОМАНА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
СИСТЕМА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2015

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель

кандидат филологических наук, доцент

Александр Борисович Криницын

Официальные оппоненты:

Татьяна Вячеславовна Ковалевская

доктор философских наук, доцент,

Российский государственный

гуманитарный университет,

профессор кафедры английского языка

Галина Борисовна Пономарева

кандидат филологических наук,

заслуженный работник культуры РФ,

Музей-квартира Ф. М. Достоевского в
Москве,

заведующий музеем-квартирой Ф. М.

Достоевского в Москве

Ведущая организация:

**Московский государственный областной
университет**

Защита состоится « 9 » сентября 2015 г. в 15 ч. на заседании диссертационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и на сайте филологического факультета: [http:// www. philol.msu.ru/](http://www.philol.msu.ru/)

Автореферат разослан « ____ » _____ 2015 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,

доцент

А. Б. Криницын

I . ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Уже при первом знакомстве с главными романами Ф. М. Достоевского обращает на себя внимание достаточно широкий круг действующих лиц и повышенная семантическая значимость их имен, отчеств и фамилий, зачастую крайне своеобразных.

Эта важная черта поэтики в полной мере присуща и роману «Преступление и наказание». Зачем, скажем, скромный титулярный советник, оказавшийся не в комической, а в трагической для него и его семейства ситуации, наделен здесь “сладкой” фамилией Мармеладов? А хромой и полунимый петербургский портной Капернаумовым? Или почему у главного героя этого романа, убийцы двух женщин, имя Родион, имеющее очевидно позитивные коннотации для носителя русского языка? И зачем судебный следователь именуется Порфирием Петровичем, без фамилии, а неисправимый аморалист и растлитель малолетней девочки носит нерусскую фамилию Свидригайлов?

Удовлетворительные ответы на эти и подобные им вопросы читатели «Преступления и наказания» находят в комментариях и исследованиях в области антропонимии, и в этой относительно молодой науке уже имеется ряд основополагающих работ.

Важнейшим элементом композиции образа героя является имя, в котором часто заключена онтологическая суть образа. Имена героев Достоевского зачастую отображают символично-мифологическую структуру романов, намечают важнейшие грани характеров персонажей, их функцию в сюжете, высвечивают авторскую позицию по отношению к ним и выражаемым ими идеям, или, наконец, указывают на их сословную принадлежность. В итоге, ономастикой автор выражает идею всего произведения.

По утверждению С. Н. Булгакова, «имя выражает особый духовный тип,

строение, разновидность человека»¹; П. А. Флоренский считал, что вокруг имени «оплотняется наша внутренняя жизнь»: «по имени житие, а не имя по житию»²; «...в искусстве – внутренняя необходимость имен – порядка не меньшего, нежели таковая же именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответствующих имен. Искусственные же образы - промежуточные степени такого самораскрытия имен в пространство произведения - то тело, в которое облекается самое первое из проявлений незримой и неслышной, недоступной ни восприятию, ни постижению, в себе и для себя существующей сущности – имя»³. Согласен с ним и С. Н. Булгаков: «Именование есть акт рождения»⁴.

Во многих случаях имя является своего рода ключом к пониманию созданного образа, а порой и произведения в целом. У каждого мастера слова есть определенный набор приемов наречения персонажей, обусловленный историко-литературной традицией, художественным методом, а также жанром произведения. Выбор онимов мотивирован многими факторами, раскрытие которых зависит от интеллектуальности читателя, от его культуры, от степени владения русским языком. К таким факторам нужно отнести символичность онимов, их аллюзивный характер, их внутреннюю форму. Кроме того, причины выбора писателем того или иного имени зависят от характера героя, от его сословной принадлежности и, конечно же, от функции, которую будет выполнять это имя в романе. Только в совокупности эти факторы обеспечивают более глубокое понимание художественного текста.

Общеизвестным фактом филологической науки является то, что все имена собственные по своей природе «говорящие», поскольку несут в себе многоплановую информацию: применительно к антропонимам это будет

¹ Булгаков С. Н. Философия имени / Предисл. Л. Зандер. СПб.: Наука, 1998. С. 241.

² Флоренский П. А. Имена // Социологические исследования. 1990. №4. С. 140.

³ Там же. С. 135.

⁴ Булгаков С. Н. Философия имени / Предисл. Л. Зандер. С. 256

значимость 1) культурно-этническая (маркировка принадлежности носителя имени к определенному народу, культуре, конфессии); 2) историческая (типичность имени для определенной исторической эпохи); 3) метафорическая (семантико-этимологический смысл имени); 4) эмоционально-экспрессивная (звуковой образ имени и рождаемые им эмоции и ассоциации в родной для него языковой и культурной среде). В любом случае, при реализации данных функций имя получает символическое значение при соотнесении со своим денотатом.

Еще А. Л. Бем отмечал системность выбора антропонимов Ф. М. Достоевского: «Там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя»⁵. В тексте романа все антропонимы значимы, даже те, которые фигурируют только однажды. Более того, антропонимы тесно связаны с лексическим горизонтом романа в целом, семантически связываясь с ним в одно целое: «Слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в строй того же произведения. Правила и приемы их употребления и сочетания зависят от стиля произведения в целом. В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого», – так говорил о взаимосвязи всех уровней языка в художественном произведении В. В. Виноградов⁶.

Имя в литературном произведении бесконечно усиливается в своем символическом значении, поскольку изначально задумывается как часть целостной художественной системы. При анализе имени в художественном произведении необходимо дополнительно учитывать его следующие значения:

1) номинативное – как знак в семиотической системе, коррелирующий

⁵ Бем А. Л. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. П. Милетич за семидесятилетие от рождения (1863-1933). София, 1933. С. 415.

⁶ Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 20.

по смыслу с другими знаками (например, обращает на себя внимание корреляция имени маляра Миколки с именем возчика Миколки из сна Раскольникова);

2) онтологическое – историческое лексическое значение имени и его морфем, происходящее не только из русского, но и из иностранных языков (такое значение, как правило, не лежит на поверхности и требует специального истолкования, как в случае, например, с фамилией Свидригайлов).

Сюда относятся имена с греческой или еврейской семантикой, взятые из имен античной эпохи, сохраняющие оригинальное значение. Эти имена носят основное античное значение, напоминающее о источнике информации о своем носителе: его качестве, принадлежности в обществе, отношении к другому, вере в Бога и др. (Роман — римский; София — мудрость; Семен — слушатель Бога; Александр — защитник; Петр — камень). Большинство из них сохраняет оригинальное значение, а с некоторыми произошла трансформация (например, София в данном романе обозначает «смиренномудрие» вместо «мудрости»);

3) аксиологическое – духовный смысл имени, выстраиваемый из религиозной традиции, в случае Достоевского – христианской: к примеру, соотношение жития святого, в честь которого назван персонаж, с характером и сюжетной линией последнего. На данном уровне осмысляются прежде всего полные христианские имена героев (Петр, Родион, Семён, София и т.д.), однако сюда же могут относиться и некоторые фамилии, например, фамилия портных Капернаумовых, у которых квартирует Соня: подбор такого имени, отсылающего к упоминаемому в Новом Завете городу Капернаум, обозначает тот факт, что, даже занимаясь проституцией, Соня не отпала от Бога и не покинула Его обителей. Поскольку все русские имена происходят от данных при крещении имен святых (еврейских, римских, греческих, славянских), то у писателя всегда есть возможность при выборе имени для героя актуализировать его связь с его же небесным «покровителем» или источником. Зачастую так автор выражает свое отношение (симпатию или антипатию) к персонажам. Например, имя Марфа, происходящее из евангельского рассказа о посещении

Иисусом Христом Вифании, напоминает о евангельской Марфе, сестре Марии и Лазаря, которая, в отличие от сестры, более заботилась о земном, нежели о небесном, а в деле душевного восстановления ничем помочь не могла. Так же и Марфа Петровна, спасши Свидригайлова из долговой тюрьмы, оказалась бессильной исцелить его душу, даже своей слепой любовью;

4) символическо-метафорическое – собственно семантика имени, требующая толкования его применительно к образу-референту. Это имена с русской семантикой, «говорящие» имена, которые автор творит на основе семантики определенного слова. Данные антропонимы (в «Преступлении и наказании» чаще всего фамилии) часто состоят из одного глагола или существительного, имеющего определенное значение. Например, Раскольников от слова «раскол», Заметов от глагола «заметить», Разумихин — от корня «разум» и т. д. Характеристика этих имен состоит в том, что носитель имени имеет соотношение со смыслом глагола или существительного по характерной черте героя, или его дальнейшей судьбе, или его способности.

Так, антропонимы Раскольников и Мармеладов отчетливо осознаются как «говорящие» по семантике своих корней: «раскол», «мармелад» и воспринимаются как метафорическое обозначение главной черты характеров или идей референтов, в результате чего сам образ героя получает структуру символа (обозначаемое ~ обозначающее). Оговоримся, что символическим имя становится благодаря всей совокупности его значений, но на семантическом уровне процесс символизации наиболее очевиден и продуктивен;

5) эстетическое – включает в себя звуковую картину слова и связанные с ней ассоциации, в том числе и семантические, по созвучию: для формирования эстетического облика слова художнику важно учитывать законы эвфонии;

6) культурологическое – коннотативный ряд продуцируемых именем культурно-исторических, литературных ассоциаций. Так, имя Лиза в литературе XIX века неизбежно вызывало ассоциацию с «Бедной Лизой» Н.К. Карамзина. Кроме того, имя Лизавета задает аллюзию на Лизавету Ивановну, компаньонку графини из «Пиковой дамы» Пушкина. Совпадения в имени

приведет к совпадению в судьбе. Некоторые имена в романе, не имеющие семантического значения, берут начало от какого-то исторического героя или исторического события. При этом автор по типовой языковой модели изменяет фонетическую реальную форму антропонима. Например, в случае с фамилией Свидригайлов первоначальный толчок к ее выбору могло дать имя великого литовского князя Швитригайло;

7) социальное – имя может определять социальную прослойку, к которой принадлежит персонаж, зачастую вследствие его разговорной, простонародной или иностранной огласовки, как, например, Миколка (вместо Николай), Настасья (вместо Анастасия), Алена (вместо Елена).

Каждое из перечисленных значений активно использовалось Достоевским при продумывании антропонимов. Для него был существенен также выбор акцентуации того или иного смыслового уровня применительно к каждому отдельно взятому персонажу. Так, некоторые персонажи называются в романе преимущественно по фамилии (Мармеладов, Свидригайлов, Разумихин, Зосимов, Заметов), другие – по имени и отчеству (Катерина Ивановна, Порфирий Петрович, Алена Ивановна), третьи – исключительно или большей частью только по именам (Миколка, Полечка, Соня). Это существенный момент, потому что в зависимости от выбора формы называния активизируется тот или иной смысловой уровень. Например, личные имена обладают значимостью на онтологическом и аксиологическом уровнях, а фамилии – на метафорическом, эстетическом и культурологическом. Онтологический уровень зачастую требует для своего восприятия специальной подготовки и рассчитан на самого компетентного читателя; аксиологический и культурологический требует этого в меньшей степени (по крайней мере, для читателей-современников Достоевского), в то время как метафорический и эстетический наиболее доступны и очевидны для восприятия.

Одним из важных аспектов является то, что выделенные нами смысловые уровни зачастую сильно расходятся по смыслу и даже могут противоречить друг другу. К примеру, имя Родион Романович Раскольников:

фамилия символически отображает внутренний душевный конфликт героя, а онтология имени и отчества характеризует героя как «римлянина с Родоса» – крайне противоречивую фигуру, поскольку Рим то враждовал с греками Родоса и разорял их, то, наоборот, покровительствовал им. При этом очевидно, что данная констелляция имени и фамилии замышлялась очевидным образом и из соображений фоники, эстетики звучания: Родион Романович Раскольников. Возможны и иные истолкования данного важнейшего имени на иных смысловых уровнях.

В результате складывается сложная, порой амбивалентная художественная система, неустойчивая из-за множества переменных.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена возросшим интересом исследователей к антропонимике в художественных произведениях и потребностью в интерпретации ее семантического смысла и художественной функции. Антропонимика художественных произведений Ф. М. Достоевского обладает своей спецификой, сочетая исторический, общественный, христианский семантический смыслы. И исследование антропонимов в романе «Преступление и наказание» будет способствовать как раскрытию художественных функций антропонимики, так и более глубокой разработке образов персонажей, а также проникновению в сущность творческого замысла писателя.

Теоретическая значимость состоит в том, что анализы имен почти всех героев в романе «Преступление и наказание» способствуют дальнейшей разработке теории антропонимики в литературе и выводят исследование на уровень междисциплинарного изучения, привлекающего такие науки, как история, искусствоведение, теология, что позволяет модернизировать традиционные методы литературоведения.

Научная новизна заключается в том, что в отличие от наблюдений над литературной антропонимией в лингвистическом аспекте данная работа акцентирует внимание на литературоведческой функции и роли антропонимики в художественных произведениях. Мы уделяем большое внимание связи имен

персонажей и их характерных черт, судьбы, общественной принадлежности и т.д. Несмотря на некоторую краткость экскурсов в значения имен собственных в «Преступлении и наказании», мы постараемся охватить не только главных героев, но и всех персонажей романа, чьи имена представляются нам в какой-либо степени семантически значимым.

Материалом исследования послужил текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», а также его редакции и подготовительные материалы (тт. 6, 7, 21 ПСС Ф. М. Достоевского в 30-ти тт. Л., 1973)

Главные задачи нашего диссертационного исследования состоят в следующем:

- раскрыть и проанализировать вышеназванные смысловые уровни;
- разобрать образы конкретных героев в свете антропонимики;
- вычислить разные варианты образования имен в данном произведении;
- выявить основной принцип именования героев в романе;
- охарактеризовать взаимоотношения между компонентами имени и показать их связь взаимоотношений с идеологией и художественной позицией писателя;
- показать, как образовавшиеся смысловые переменные имен складываются в семиотическую систему;
- определить, как данная система антропонимических значений коррелирует с художественной системой романа в целом, насколько важную функцию она в ней выполняет.

Положения, выносимые на защиту:

- каждый антропоним «Преступления и наказания» представляет собой переменную смысловых значений, вариативность осмысления которой обусловлена противоречивостью образа, а иногда и амбивалентностью его функции в романе, в конечном счете восходящей к концепции парадоксальности человека в антропологии Достоевского;
- основным смысловым стержнем, структурирующим всю многозначность антропонимов, является христианское мировоззрение писателя;

– складывающаяся антропонимическая художественная система романа является символической во многом благодаря тому, что антропонимы а) соотносятся со своим референтом как означаемая и означающая части символа, воспроизводя его структуру; б) онтологическое, сакральное и метафорическое значения антропонимов актуализируют мифологический и христианский смысл имен и, соответственно, привносят в роман символический сюжет; в) являясь многозначной по своей интерпретации, антропонимическая система романа воспроизводит саму природу символа, заключающуюся в его способности бесконечного смыслопорождения;

– данная антропонимическая система является неустойчивой ввиду многочисленного переменного значения, что является важной составляющей общего философско-психологического замысла романа.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» отразил умение писателя выстраивать сложнейшие конstellляции человеческих отношений и психологических импульсов, зачастую парадоксальных и алогичных.

Исследованию литературной ономастики посвящены **работы** многих ученых: М. Б. Магазаник «Ономапoeтика, или «говорящие имена» в литературе» (1978), «Роль антропонимов в построении художественного образа» (1969), В. Н. Михайлов «Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе» (1966), Р. Д. Тименчик «Имя литературного персонажа» (1992) и др.

Изучению ономастикона «Преступления и наказания» уделялось внимание в работах М. С. Альтмана «Достоевский. По вехам имен», «Имена и прототипы литературных героев Достоевского», С. В. Белова «Имена и фамилии Ф. М. Достоевского» и других. Данная проблема рассматривается в недавних кандидатских диссертациях А. Т. Семенова⁷ (Семенов 1996) и И. А. Марининой (Маринина 2003).

⁷ Семенов А. Т. Функционирование онимической лексики в художественном тексте и лексикографическое описание ономастикона романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы". - Автореферат дисс. канд. филол. наук. - М., 1996.

Апробация работы. Основные положения работы отражены в статьях (в т.ч. в журналах «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», «Перспективы науки», «Наука и школа» и «Преподаватели 21-ого века», которые входят в список, рекомендуемый ВАК). Материалы исследования представлены в докладе, прочитанном автором на V Международной научно-практической конференции «Русский язык и культура в современном образовательном пространстве».

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Во **Введении** обоснована актуальность темы, рассмотрено состояние ее научной разработанности, определены цель и содержание поставленных задач, раскрыты научная новизна и теоретическая значимость работы.

Первая глава «Главные герои» посвящена анализу образов главных героев (Родион Романович Раскольников, Софья Семеновна Мармеладова) в свете антропоники.

Важный сигнал читателю романа о **Раскольникове** заключается уже в фамилии героя, с символично-метафорической точки зрения происходящей от слов “раскалывать”, “раскол” и указывающей не на цельность, а двойственность его нравственной личности.

Согласно словарю русских личных имен, Родион, с онтологической точки зрения, означает по-гречески «розовый, а также житель острова Родоса»⁸, из чего мы можем заключить, что Достоевский подчеркивает принадлежность Раскольникова не только к христианам, но и к их православной части. В тексте романа этого героя порой называют Родей (мать и сестра) или даже Родькой (Разумихин), а само его имя, с эстетической точки зрения, фонетически

⁸ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М., 1995. С. 300.

созвучно таким коренным русским лексемам, как “род”, “родной” и “родина”. В совокупности все это создает у читателя самое выгодное для Раскольникова впечатление: это, по-видимому, человек верующий, следовательно, и высокоморальный, душевно открытый людям и способный любить их деятельной любовью.

Об иных качествах характера главного героя «Преступления и наказания» сигнализирует его отчество, с онтологической точки зрения, произведённое от имени Роман, означающее «римский, римлянин»⁹ и побуждающее вспомнить надменные самотитулования сначала античных римских императоров, называвших себя, как Август или Нерон, “божественными”, а после принятия христианства глав римской католической церкви, считавших себя наместниками Иисуса Христа на земле и непогрешимыми, как сам Бог. В этой этимологии отчества Раскольникова – корень таких его свойств, как гордыня и отчуждение от людей, раздражительность и злоба, порой доходящие до ненависти и презрения ко всем окружающим его людям. В этих состояниях Раскольников уже не христианин, а адепт антихриста, который на место моральных заповедей Богочеловека ставит асоциальные и аморалистические претензии человекобога.

Весь сюжетный путь главного лица «Преступления и наказания» определен борьбой в нем указанных полярно противоположных начал и перевоплощением героя из одной ипостаси в другую.

Эти переходы Раскольникова начинаются уже на этапе замысла сознательным, точнее, разрешенным его совестью убийством старухи-процентщицы, переступить через главный морально-этический принцип христианства “Не убий”; после свершения этого замысла начнутся метания героя между жгучей потребностью донести на себя и нравственно покаяться и, напротив, собрать все свои интеллектуальные силы, чтобы предотвратить разоблачение его полицейским следствием. Наконец, не одной, а двумя разными причинами и целями мотивирован в глазах героя и тот его, по

⁹ Там же.

слову романиста, “дикий и фантастический вопрос”, который Раскольников разрешал своим переступанием через принцип “Не убий”.

Уходя корнями в “теорию” Раскольникова о разделении людей на обыкновенных и необыкновенных, названное стремление героя порождено, по его собственной формулировке, желанием обрести “свободу” и власть.

Есть и еще одна очень веская причина, по которой герой «Преступления и наказания» не станет встать над христианским убеждением в сакральной ценности любого человека как творения Божия, созданного по Его образу и подобию. Это бескорыстие героя «Преступления и наказания» вслед за внешней целью его преступления. Итак, главная цель, предпринятая Раскольниковым отвечает его неодолимой нравственной потребности доподлинно уяснить ту изначальную моральную доминанту человеческой природы, которой определены по крайней мере важнейшие отношения людей с себе подобными.

Символическое отражение человекобожеской идеи Раскольникова мы можем видеть и в *морально-нравственном* состоянии северной русской столицы — Петербурга. Ведь в петербургский период жизни героя сам образ города, как мы помним, упорно воздействовал на его сознание персонажа как во время замысла преступления, так и после его свершения.

Главная героиня романа «Преступление и наказание» зовется **Софьей Семеновной Мармеладовой**. Ее имя «Софья» греческого происхождения, с онтологической точки зрения, означает «мудрость, премудрость, разумность»¹⁰. Отчество «Семеновна», с онтологической точки зрения, — производное от имени «Семён», что по-древнееврейски означает «слушать, Бог слышащий, услышание»¹¹. Фамилия «Мармеладова», также с онтологической точки зрения, сразу напоминает читателю романа о сладостях и ассоциируется с удовольствием, комфортом, чем-то приятным.

На первый взгляд, антропонимы этой героини обещают ей прекрасную

¹⁰ Там же. С. 621.

¹¹ Там же. С. 311-312.

жизнь и судьбу, особенно при прямом их толковании, согласно которому человек, истинно верующий, будет иметь счастливую жизнь. На самом же деле все для Сони долгое время складывается прямо противоположным образом. «Семья Мармеладовых, — писал В. Я. Кирпотин, — фокус, в котором преломлены все несчастья неправильно устроенного общества, и, как сладок этот мир, рисуется уже горько-иронической фамилией, подобранной Достоевским»¹².

Готовность стойко переносить обрушивающиеся на героиню унижения, способность к самопожертвованию и есть та мудрость главной героини “Преступления и наказания”, на которую его читателям намекает ее имя (с аксиологической точки зрения). Об этой христианской мудрости Сони хорошо сказал М. С. Альтман: «Ей (Соне. — М. В.) были присущи основные черты всех «Софий» Достоевского: смирение, безответность, приниженность, беззащитность, смирение, пожалуй, больше всего. И если Софья, вообще, означает мудрость, то у Достоевского мудрость его Софий — смиренномудрие...»¹³

Мудрость Сони Мармеладовой проявляется не только в верности Завету, но и в ее способности не просто слушать и слышать слова человека, а душою угадывать его душу, даже скрываемое им нравственное состояние и страдание.

Нравственная сущность Сони Мармеладовой, однако, вовсе не ограничена способностью к жертве и духовно-душевной помощи морально заблудшему преступнику. Совершенно иначе воспринимает она неоднократные попытки Раскольникова убедить себя и ее в правоте идеи разделения людей на обыкновенных и необыкновенных, а также в праве последних переступать моральные заповеди христианства, вплоть до этико-морального завета “Не убий”. На всю умозрительную казуистику героя в этом вопросе Соня отвечает не какими-то логическими контраргументами, а неколебимой целостной позицией ее духа и души.

¹² Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. М., 1978. Т. 3, С. 145.

¹³ Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. Саратов., 1975. С. 176.

Если противоречивый антропоним Раскольникова отразится в двойственной цели его преступления (испытать саму нравственную природу людей и испытать самого себя на право считаться человеком, “власть имеющим”), то, по глубокому замечанию П. Флоренского, для носительницы имени Софья «самое понятие об антиномичности мало доступно», так как для этого она «слишком устойчива в себе»¹⁴. Никаких колебаний между “за” и “против” не существует в христианской позиции и Сони Мармеладовой.

На этом фоне, однако, еще заметнее становится принципиальное различие между деяниями главных героев названного романа Достоевского. Раскольников, *изверившись* под влиянием удушливой петербургской атмосферы в человечестве, одновременно и испытывает его моральную природу, и бросает ему – а тем самым и Творцу аморальный индивидуалистический вызов. Соня же Мармеладова, ни на секунду, не усомнившись в правде Всевышнего, своим поступком совершает акт органичной христианству спасительной для ближнего жертвы.

Во Второй главе «Двойники Раскольникова» с помощью антропонимов анализируются образы трех персонажей (Аркадий Иванович Свидригайлов, Порфирий Петрович, Миколка), согласно нашей классификации названных «двойниками» Раскольникова.

Двойник воплощает либо отрицательную (иногда даже демоническую) сторону души героя, или же его идею (идеал), или же подавленную обстоятельствами светлую сторону натуры. В случае Порфирия и Свидригайлова главным основанием считать их двойниками Раскольникова является парадоксальное знание ими души и жизни Раскольникова как бы изнутри, в случае Миколки – таинственное сплетение их судеб.

Свидригайлов едва ли не самый сложный для читателя и исследователя персонаж анализируемого романа Достоевского. Думается, прав В. Я. Кирпотин, когда, в ответ на однозначно негативную характеристику

¹⁴ Флоренский. П. Имена. СПб., 2011. С. 314.

данного героя большинством исследователей и критиков,¹⁵ пишет: «Свидригайлов нигде не однолинеен, он не однотонно-черен. <...> Злодей, развратник и циник, Свидригайлов совершает массу добрых дел, больше, чем все другие персонажи»¹⁶.

Скорее о нескольких, а не об одном единственном сущностном начале сигнализирует нам антропоним Аркадия Ивановича Свидригайлова. Его имя, с онтологической точки зрения, в переводе с древнегреческого означает «уроженец Аркадии, житель Аркадии, пастух»¹⁷. Природные же картины греческой Аркадии служили для античных римских поэтов «фоном для описания идиллических сцен из пастушеской жизни»¹⁸. Отчество Свидригайлова, с онтологической точки зрения, образовано от древнееврейского имени «Иван», означающего «Яхве (Бог) помиловал; Бог милует; благодать Господня»¹⁹.

Если имя Аркадий предполагает в его носителе скорее естественные, чем нездоровые устремления, а отчество, не исключая в данном человеке сочетания таких взаимопротиворечащих качеств, как добро и жестокость, любовь и гнев, обещает ему покровительство Творца, то весьма необычная для русского слуха ассоциирующаяся с какой-то жесткой неразгибаемой спиралью фамилия Аркадия Ивановича вносит в его антропоним по меньшей мере резкий звуковой диссонанс. Очевидно, права А. С. Лошкарева, считающая, что в этимологическом составе этой фамилии для Достоевского была наиболее важна вторая часть, «гайл», требующая при произнесении наибольшего артикуляционного акцента и означающая по-немецки «похотливый, сладострастный»²⁰. Более того, «фамилия *Свидригайлов* была известна

¹⁵ Например, С. В. Белов полагает, что в образе Свидригайлова Достоевский изобразил личность только «низкую, оскорбляющую всякое человеческое достоинство, ползающую, вечно пресмыкающуюся...» (Белов С. В. Роман Достоевского «Преступления и наказания». Комментарий. М., 2011. С. 80.)

¹⁶ Кирпотин В. Я. Избранные работы в трех томах. Т. 3. С. 221.

¹⁷ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 61.

¹⁸ Словарь античности. Перевод с немецкого. М., 1994. С. 49-50.

¹⁹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 180.

²⁰ См.: Лошкарева А. С. Мистика и символизм в романе Ф. М. Достоевского «Преступление

читателям 1860-х гг. как одна из обличительных «масок» <...>, придуманных сотрудником журнала «Искра» М. М. Стопановским для популярной рубрики»²¹, — отмечает Б. Н. Тихомиров.

Главное в облике Свидригайлова — резкий контраст между представительной и даже привлекательной внешностью Аркадия Ивановича и «зеркалом его души» — его глазами с их неестественной для пятидесятилетнего человека голубизной, но при этом с угнетающим наблюдателя выражением.

Сходство лица Свидригайлова с маской имеет иную причину, уже в портрете этого героя приоткрывающую нам его главное внутреннее качество. И это не что иное как, если и не совершенно окончательная, то близкая к тому омертвелость его души, в разных масках предстающая перед людьми. Правда, циничная откровенность Свидригайлова объясняется, прежде всего, полным равнодушием к суждениям о нем окружающих его людей.

Предаваясь все большему сладострастию и разврату, Свидригайлов в равной мере вытеснил свое духовное начало, омертвляя свою душу. Эта антижизненная сущность его личности подтверждается главным сопровождающим героя ощущением: скука, сопровождающая Аркадия Ивановича даже при созерцании им морской зари в Неаполитанском заливе. По существу, Свидригайлов, находясь среди людей, своим обособлением от всех их животворных проявлений, отделяется и от них самих. А тем самым, согласно Достоевскому, и от Бога.

Как и в случае с другими двойниками, у Раскольникова есть определенное сходство и со Свидригайловым. Они оба в своих деяниях идут до конца, не останавливаясь перед той чертой, которую другой человек никогда не переступит. Если Раскольников, убив процентщицу Алену Ивановну, переступил через божескую заповедь “не убий”, то Свидригайлов поправил завет «не прелюбодействуй». Оба — преступники против христианской морали и

и наказание». Липецк, 2007.

²¹ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 103-104.

нравственности и, следовательно, против божеского начала как в них самих, так и в их жертвах. И Раскольников, и Свидригайлов в равной мере сложны в причинах и мотивах их главных деяний.

На этом фоне рельефнее проступает и радикальное отличие Раскольникова от Свидригайлова: решительно несхожи сами натуры этих героев. Преступное деяние Раскольникова не имело ничего общего с корыстью. Свидригайлов, напротив, преступник из корысти, которая, как у пьяницы и наркомана, состоит в непрестанном удовлетворении его извращенной страсти. Раскольников, предчувствуя еще до своего преступления неминуемую самоказнь и жестоко казнясь ею после преступления, ценою каторги возвращается к людям и живой жизни. Свидригайлов же даже в последние часы своего существования не произносит ни одного покаянного слова, а из жизни уходит посредством не менее страшного преступления перед Всевышним.

Порфирий Петрович — пристав следственных дел, тонкий психолог, интуитивно распознавший Раскольникова. Первоначальный толчок к появлению этого имени-отчества мог дать образ Порфирия Петровича в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина, на который Достоевский обратил внимание еще в 1861 г. в журнале «Время» в своей статье о русской литературе.

Имя «Порфирий», имеющее греческое происхождение, с онтологической точки зрения, имеет значение «пурпурный, багряный»²². Пурпурный и багряный являются темными цветами, создающими ореол таинственности. Более того, читатель не может не заметить отсутствие фамилии у следователя. Брежневский интерпретирует этот факт следующим образом: «Порфирий Петрович — единственный крупный персонаж “Преступления и наказания”, не получивший фамилии. Это указывает не только на обособленность его функции в романе и фундаментальную загадочность его образа, так до конца и не раскрытого, но и на интимность и непосредственность изображения Порфирия, не нуждающегося в установлении

²² Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 290.

фамильных уз»²³. Действительно, Порфирий Петрович – загадочный персонаж.

С одной стороны, он, как все профессиональные приставы, умен и осторожен, логичен и интуитивен, смел и серьезен. Но вместе с тем, в отличие от других следователей, для раскрытия преступления он пользуется собственным оригинальным методом. Он терпелив, даже уклончив, находит смысл в случайных подробностях; все сужая и сужая описываемую им спираль, Порфирий Петрович в нужный момент наносит решающий удар. Хотя у него нет улик, он пытается психологически поймать Раскольникова, расшатывает его стойкость ежесуточными подозрениями и страхом, играет на его нервах и с выгодой для себя пользуется его раздражительностью.

Однако загадочность Порфирия Петровича проявляется и в другом – в его двойственности. Д. Брецинский отмечает, что «в имени и отчестве, возможно, есть намек на монаршую власть (порфира – пурпурная мантия монарха, Петр – первый русский император)»²⁴.

Действительно, в романе Порфирий Петрович воплощает монаршую власть. Он торжествует не только в юридическом мире, но и христианском. Он бескорыстен и старается не из-за карьеры. Его нельзя назвать сухим формалистом, поскольку он верит в добрые начала человеческой натуры. Порфирий Петрович убежден, что в преступлении Раскольникова дискредитировались не только пути и средства, которыми последний хотел изменить мир, но и самое стремление к новой справедливости, к переустройству мира. Он обличает Раскольникова не столько с позиции судьи, сколько с точки зрения хранителя совести прежнего, христианского мира. Порфирий Петрович не относится к Раскольникову как к бессердечному убийце, но предлагает ему перемену обстановки как способ освобождения от ошибочной идеи и путь в поисках истинного «Бога».

В романе «Преступление и наказание» имеются два персонажа по имени

²³ Брецинский Д. Порфирий Петрович. Художественный образ и композиционная функция следователя в «Преступлении и наказании» Достоевского. — «Современник», Торонто, 1971, № 22-23. С. 26.

²⁴ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 27.

Миколка. Первый — маляр, а другой — пьяный возчик из сна Раскольникова, забивающий насмерть свою лошадь. Миколка — разговорная форма христианского имени Николай, даваемого при крещении. Это имя обладает значением «побеждающий, действующий независимо от прочих». Можно предположить, что использование автором разговорной формы имени ослабляет значение христианского онима.

В 19 веке форма имени «Миколка» была очень распространенным простонародным вариантом, не имеющим никакого особенного снижающего оттенка. Это как раз то значение, которое придает ему Достоевский, как бы подчеркивая, что носитель данного имени — самый простой человек. Именно этот образ маляра Миколки выражает в романе основной и высший догмат «почвенничества» — народность.

По мнению Достоевского, подобная широкая, мечтательная и сильная «русская натура» является обобщенным народным типом. Изображенный Достоевским как простодушный богатырь, взрослый «несовершеннолетний», Миколка обретает дополнительные черты за счет проявленных в его образе трагических воззрений отдельных народных слоев. Миколка, подобно Соне, — проводник спасительных излучений, направленных к Раскольникову от мученически погибшей Лизаветы. Миколка всем сердцем, всей душой хочет угодить Богу. Не случайно при крещении он был назван именем святого Угодника, особенно чтимого русским народом. Но Достоевский никогда не мыслил прямолинейно, и нет в его творчестве коротких замыканий. Его живая мысль, неизменно развиваемая до конца, вызывает к жизни свое противоположение. По мнению Г. А. Мейера, «Если Соня Мармеладова — крестовая сестра злодейски умерщвленной Лизаветы, то Миколка — названный брат замученной праведницы, узревшей Бога»²⁵.

Оттого у Миколки-красильщика есть антипод — такой же, как и он, деревенский парень — Миколка, пьяный и дикий, насмерть забивающий несчастную лошадь. Поразительно по бездонной глубине противопоставление,

²⁵ Мейер Г. А. Свет в ночи. Опыт медленного чтения. Франкфурт на Майне. 1967. С. 81.

творимое Достоевским: Раскольникову, уже окончательно решившему стать убийцей, снится именно этот антипод Миколки-красильщика — беспощадный Миколка, терзающий невинную тварь, божественную основу земного существования. Преступный Миколка связан с Раскольниковым круговой порукой греха. Они — родные братья по преступности, и обоим им одинаково противопоставлен не всеу несущий свое имя красильщик, жаждущий возложить на себя мировую вину и страдание.

Третья глава «Второстепенные персонажи» содержит 5 частей, в которых исследуются антропонимы 5 персонажей (Петр Петрович Лужин, Дмитрий Прокофьевич Разумихин, Андрей Семенович Лебезятников, Авдотья Романовна Раскольникова, Пульхерия Александровна Раскольникова) и их художественные образы.

Петр Петрович Лужин

Думается, в имени Лужина для Достоевского наиболее важна сама семантика слова “Петр”, с онтологической точки зрения, в переводе с греческого означающего «скала, каменная глыба», «камень»²⁶. Основные свойства камня — тяжесть, крепость, но кроме того заведомые бездуховность и бездушность. Если два первые свойства камня позволяют ему служить краеугольной опорой какого-либо массивного и долговременного сооружения, то от последних двух на человека веет холодом и жёсткостью. А ведь в антропониме Лужина его «каменная» составляющая заявлена дважды: не только именем, но и патронимом.

Сложнее обстоит дело с фамилией этого героя. Не заключая в себе явной смысловой характеристики, она, как нам представляется, с эстетической точки зрения, способна достичь этого результата косвенно — через звуковую ассоциацию с известной эгоцентрической максимой французского короля Людовика XV: «Après moi le déluge»²⁷ («после меня хоть потоп»). По крайней мере гипотетически можно соотнести фамилию Лужин в ее корневой части

²⁶ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 284.

²⁷ Французско-русский словарь. Составила проф. К. А. Ганшина. М., 1946. С. 151.

“луж” и с французским прилагательным “louche”, в семантике которого, наряду со значением «косой, косоглазый», есть и значение «двусмысленный, подозрительный», а в том случае, когда это прилагательное выступает в функции существительного (“le louche”) — и — «нечто подозрительное, темное».

Неким разладом отмечен внешний вид Лужина. Это несоответствие между естественным физическим обликом взрослого и солидного мужчины сорока пяти лет и его “слишком, слишком” юношесственным облачением. «В Лужине, — комментирует этот портрет Петра Петровича В. Я. Кирпотин, — все аккуратно, складно, солидно и в то же время моложаво, и все в нем неприятно и отталкивающе. Его парикмахерская красавица, его внешность вполне такова, как полагается преуспевающему буржуа — в торговле ли, в адвокатуре ли, в науке ли и т.д.»²⁸

Сходство теории Лужина с этикой «новых людей» Чернышевского только и ограничивается негативным и к тому же вульгарным толкованием христианской идеи жертвы, однако главная часть лужинской теории с эгоизмом Лопухова-Кирсанова-Рахметова не имеет ничего общего. Желая из тщеславия произвести впечатление на представителей “молодых поколений”, Лужин, сам того не ведая, предельно раскрывается в своей теории о том, каким образом можно совместить личные интересы человека с интересами других людей и достигнуть общего блага.

Герой романа предстает как человек хотя и способный порой проговориться в своих намерениях, но в целом далеко не открытый и не идущий на откровения, а умело скрывающий свою сущность под маской не то симпатии и сочувствия к молодой, очаровательной и сверх того оскорбленной оговором девушки, не то последователя модной этической теории, хотя и понятой в сугубо своекорыстном духе, не то одного из современников своей кризисной эпохи с порожденными ею стремлениями людей к составлению личного капитала, карьерному самоутверждению, с их непомерным

²⁸ Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М., 1974. С. 342-343.

индивидуализмом, честолюбием, самоуверенностью и тщеславием.

В целом в лице Петра Петровича Лужина Достоевский создал художественно в высшей степени убедительный тип одного из будущих хозяев России, вступившей на путь буржуазно-капиталистического предпринимательства. Его основные черты: беспредельная любовь только к самому себе и огромная жажда власти над людьми, включая самых близких; ненасытная алчность к деньгам (капиталу) как главному средству достижения этой власти; полный внутренний аморализм и цинизм при внешнем ряжении в порядочность и добродетельность; постоянное двуличие, наглость в достижении своих тайных целей и тотальный расчет во всех жизненных отношениях. Своим способом существования Лужин и лужины способны утвердить только социальную антропофагию, в которой будут выживать лишь самые низменные и жестокие человеческие особи.

Пребывая как социальный характер в одном ряду с гоголевским «приобретателем» Чичиковым («Мертвые души»), новоявленными русскими хищниками, колупаевыми, разуваевыми, из произведений Салтыкова-Щедрина и преступными хозяевами послереформенной России из поэмы «Современники» Н. А. Некрасова, Лужин в качестве творческого создания Достоевского превосходит их глубиной и полнотой рельефно обнаженных в нем сокровенных устремлений, потребительских и аморальных побуждений и тенденций. Нет сомнения, что как образ потенциального собственника-рабовладельца на новый, капиталистический лад Лужин стал одним из литературных ориентиров для подобных дельцов, созданных воображением последующих российских и мировых художников слова.

Дмитрий Прокофьевич Разумихин

Его имя Дмитрий, с онтологической точки зрения, носит значение «относящийся к Деметре, богине плодородия и земледелия»²⁹ по греческому происхождению. Деметра — это «богиня умиренная и необыкновенно кроткая и благодатная, материнскую любовью дышит она ко всем человеческому

²⁹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 137.

роду»³⁰.

В романе характер Дмитрия Разумихина соответствует толкованию имени: это добрый, теплый и добросовестный человек. Разумихин слишком заботится о своем друге Раскольникове, всеми силами помогает ему и его семье. В любое время он готов оказать Раскольникову поддержку. Он так высоко ценит понятие дружбы, что если увидит товарища в беде, немедленно бросит все свои дела и примчится к нему на помощь.

Отчество Разумихина — Прокофьевич, с онтологической точки зрения, в словаре имеет следующее объяснение: «*предположительно греч.* вынутый из ножен, обнаженный, схвативший меч за рукоятку, успех, преуспевание»³¹. Это значит, что Разумихин — силен и крепок, как меч. У него не только крепкое тело, но и сильная воля.

Сама фамилия «Разумихин», с символично-метафорической точки зрения, на первый взгляд связана с корнем слова «разум», обозначающего способность логически и творчески мыслить, высокую ступень познавательной деятельности и интеллект. Значение фамилии подчеркивается постоянно и многообразно: Лужин, ошибаясь, называет Разумихина «Рассудкиным», а Свидригайлов говорит, что он слышал что-то о каком-то господине Разумихине («малый, говорят, рассудительный»). Как отмечает М. С. Альтман отмечает, «Разумихин вовсе не разумный, а всего лишь рассудительный человек, “господин Рассудкин”, как его аттестуют, хотя и пренебрежительно, но в конечном счете справедливо, и Лужин, и Свидригайлов»³².

Действительно, как носитель «почвеннических» взглядов, Разумихин выступает против доктринерства и теоретиков и поддерживает примат жизни над теорией. Он критически относится к дореформенным порядкам, к дореформенной юриспруденции, на все лады повторяет «почвеннический» тезис о «лакействе», который пропагандируют мыслители революционной

³⁰ Флоренский П. Имена. С. 213.

³¹ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 291.

³² Альтман М. С. Достоевский по вехам имен. С. 191.

демократии и русские утопические социалисты.

Андрей Семенович Лебезятников

Несмотря на то, что в антропониме Андрея Семеновича и имя, и отчество (от Семена, что с онтологической точки зрения, по-древнееврейски означает «слушать, (Бог) слышащий; услышание») заключают в себе смысл положительный, ключом к сущности этого человека выступает, судя по его портрету, его фамилия “Лебезятников”. Ибо она, с символично-метафорической точки зрения, произведена от глагола «лебезить» в значении «льстить, ластиться, ухаживать, увиваться, угодничать» и даже «подъезжать; проказничать, сплетничать»³³.

В целом в образе Андрея Семеновича Лебезятникова Достоевский продолжает полемику с главными идеями романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», которую он начинает еще в повести «Записки из подполья» и будет вести в своем романном “пятикнижии”. В основе столкновения Достоевского со своим современником лежит критика автором «Преступления и наказания» представлений Чернышевского и его положительных героев о составе человеческой природы, их этики “разумного эгоизма”, предлагаемых ими способов гармонизации человеческой личности и общества, а также рационализации коллективного труда и коммунального проживания людей в будущих огромных зданиях-фаланстериях. Как отмечалось многими исследователями, источниками этих воззрений были антропологический материализм Людвиг Фейербаха, утилитаристская этика Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля и умозрительные модели общежития французских утопических социалистов Шарле Фурье и Виктора Коншдерана.

Ознакомившись с третьим голосом с учением романа Чернышевского «Что делать?», Андрей Семенович не попытался проверить его истинность, а фактически стал угодничать перед новым «модным» веянием. Словом, действовал по известной русской пословице: «Заставь дурака богу молиться, он

³³ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М., 1912. Т. II. С. 346.

лоб расшибет».

Не менее карикатурное истолкование в образе Лебезятникова получает и такое основополагающее свойство “новых людей” Чернышевского, как их вера в спасительную силу человеческого разума и логического мышления. В прямой связи с этой рационалистической иллюзией “новых людей” Чернышевского находится и уверенность Лебезятникова в возможность излечить и успокоить обезумевшего человека «одним только логическим убеждением».

Достоевский не счел нужным сообщать читателям «Преступления и наказания» дальнейшую судьбу Андрея Семеновича Лебезятникова. Но можно быть уверенным, что этот по преимуществу умозрительный, абстрактный персонаж останется таковым и в том случае, если, по каким-либо причинам разочаровавшись в идеях необыкновенно популярного в России 1860-х годов романа Н. Г. Чернышевского “о новых людях”, легко сменит их на очередные теории, скажем, русских народников или марксистов, которые будет толковать так же карикатурно, как и прежние. Путь к органическому жизненному процессу ему, в отличие от Раскольникова, останется закрытым.

Авдотья Романовна Раскольникова

«Авдотья» происходит из имени «Евдокия», которое появилось в Византии. На Руси имя Евдокия получило свое распространение вместе с христианством. Простые люди переименовали имя, оно стало звучать как Авдотья. Это имя, с онтологической точки зрения, в переводе с древнегреческого языка означает «благоволение, добрая слава»³⁴.

Дуня добрая, хозяйственная, заботливая, мягкая и уступчивая. Она глубоко любит своего брата, и желает пожертвовать собой ради него. Она согласилась на брак с Лужиным в первую очередь для спасения брата от нищеты и бесславия. Безусловно, Дуня, как и ее брат, обладает проницательным умом и не лишена гордости. Героиня чувствует, что что-то плохое произошло с ее братом, несмотря на его молчание. Она очень заботится о брате и узнает от Сони обо всем. Но даже испытав глубокое потрясение от

³⁴ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. С. 477.

открывшейся ей правды, Дуня продолжает обожать брата и верить, что убийство совершено им не по испорченности его натуры. Вместе с матерью Дуня остается той доброй силой, удерживающей героя в мире любви. Обращает на себя внимание также и созвучие имен двух героинь: Соня и Дуня, что подкрепляет мысль об их общем пути жертвенности.

Пульхерия Александровна Раскольников

Как ее имя, Пульхерия является очень красивой женщиной. «Пульхерия», латинское имя, с онтологической точки зрения, означает «красивая, прекрасная»³⁵. А отчество «Александровна» (от имени «Александр»), с онтологической точки зрения, обозначает «защищать, защитник, мужественный, помощник»³⁶.

По этому поводу Г. А. Мейер замечает: «Создавая духовный облик Пульхерии Александровны, Достоевский, вне всякого сомнения, думая о Пульхерии Ивановне из «Старосветских помещиков». <...> Старосветская помещица, поработанная бездушным обиходом чрезмерно отстоявшегося быта, обнаруживает свою убогую ограниченность и, умирая, уходит в сумерки <...> Но Достоевский воскресил Пульхерию и, дав ей новое отчество, вдохнул в нее волю к существованию и желание стать прекрасной матерью, защитницей своих детей»³⁷. Таким образом, Достоевский переосмысляет гоголевский персонаж, вначале исходя из литературно-эстетических значений имени, однако затем усиливая онтологический и эстетический его смыслы. Благодаря этому образ получает символическое значение, становясь символом материнской любви как первозданной духовной *красоты*, неведомо для Раскольникова определяющего и направляющего его развитие, как праоснова души.

Четвертая глава «Эпизодические лица романа» посвящена анализу образов около 20 эпизодических персонажей в аспекте антропоники,

³⁵ Там же. С. 603.

³⁶ Там же. С. 30.

³⁷ Мейер Г. А. Свет в ночи. Опыт медленного чтения. С.134-135.

которые появляются в романе нечасто, мало или в единичных эпизодах. Однако, это не дает повод считать их не важным: наоборот, все они играют вспомогательную роль в интерпретации главных персонажей, и все их антропонимы значимы.

Среди эпизодических лиц можно выделить несколько смысловых рядов:

1) герои из народа (Лизавета, Алена, Настасья). Для них важно не только значение имени, но и его огласовка. Их имена объединяет удаление или замена букв «Е» или «А», которые в христианском ономастике имеют сакральный смысл, что не только актуализирует простонародное звучание и снижает священную окраску (Лизавета, Настасья), но и добавляет парадоксальный эффект (Алена);

2) представители власти, полиции (Заметов, Зосимов). Для них важна фамилия, заключающая в себе основную смысловую нагрузку. Заметов, фамилия которого связана с глаголом «заметить», намекает на его профессию (письмоводитель в полицейской конторе) и роль в развитии сюжета (первый обратил внимание на вину Раскольникова). А Зосимов, как его фамилия, по сути, является деловым человеком, любит карьеру и лезть к сильным людям;

3) бедные (Мармеладов, Катерина, Капернаумов, Дуклида, Лизавета, Марфа). Эти герои носят христианские имена, которые восходят к именам святых мучеников или мучениц. С одной стороны, у персонажей данной группы бедная жизнь и низкий общественный статус (Мармеладов — титулярный советник, Дуклида — проститутка), трагическая судьба (Катерина); некоторых из них можно назвать юродивыми (Капернаумов, Лизавета). В конце концов большинство из них настигает безвременная смерть. С другой стороны, именно в связи со своим угнетенным положением они оказываются близкими к Богу, поскольку вместо материальных благ обладают богатствами духовными: добротой, честностью, нравственной чистотой;

4) детские образы (Поленька, Коля, Леня). Заметно, что дети носят уменьшительно-ласкательную форму христианских имен. Это, с одной стороны, свидетельствует о горячей любви писателя к детям, поскольку, в отличие от

взрослых, они беззащитны и не могут сопротивляться беспощадному давлению жизни. С другой стороны, по мнению Достоевского, именно эти дети, с их чистой, наивной и светлой душой, символизируют нравственную близость человека к Богу, помогая другим персонажам романа восстать против жестокости «взрослого» мира.

В Заключении обобщаются результаты проделанной работы.

При подробном и детальном анализе антропонимов «Преступления и наказания» выстраивается поливариативная в своем истолковании антропонимическая художественная система, которая, на первый взгляд, может показаться беспорядочной, но при дальнейшем исследовании оказывается строго логической. Тем более надо отметить, что каждый герой, как и его антропонимы (имя + отчество + фамилия), отличается крайне разнообразным, противоречивым характером. Таким образом посредством антропонимов Достоевский в своих романах демонстрирует двойственность человеческой натуры.

Ряд героев в романе называется преимущественно по фамилии: это Мармеладов, Свидригайлов, Лебезятников, Зосимов, Заметов, Клопшток, Капернаумов и Липпевехзель. Поэтому прежде всего в принципе их номинации актуализируется метафорический уровень онима.

Другие персонажи чаще всего принципиально именуются по имени и отчеству: это Катерина Ивановна, Порфирий Петрович, Авдотья Романовна, Пульхерия Александровна, Лизавета Ивановна, Алена Ивановна, Илья Петрович, Марфа Петровна. Благодаря этому на первый план выходит онтологический и сакральный уровень их имен.

Третьи – исключительно или большей частью только по именам: это Соня, Миколка, Настасья, Коля, Полечка, Дуклида, Ефросинья. Поскольку это не официальное их именование, очень часто в тексте романа эти имена представляются в разговорной и простонародной огласовке, что позволяет задействовать в значении их имен, помимо сакрального и онтологического, также и социальные коннотации.

Произведенный нами анализ антропонимов романа не только позволяет глубже понять его структуру, но и осознать многогранность и многоаспектность собственно антропологии Достоевского.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные положения работы по теме исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК РФ:

1. Ма Вэньин. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете художественной антропоники (итоги и задачи изучения) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2014. №1. С. 372-375.

2. Ма Вэньин. Женские образы в романе «Преступление и наказание» (второстепенные героини) в аспектах антропоники // Перспективы науки. Тамбов, 2014. №11. С 94-97.

3. Ма Вэньин. Главные герои романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете их антропонимов // Наука и школа. М., 2014. №6. С. 176-183.

4. Ма Вэньин. Петр Петрович Лужин и его “разумный эгоизм” в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Преподаватели XXI века. М., 2015. №2. С. 399-407.

Статьи, опубликованные в других журналах РФ:

1. Ма Вэньин. Раскол Родиона Раскольникова // Современные гуманитарные исследования. М., 2014. №5. С. 43-46.

2. Ма Вэньин. Образ Петербурга в романе «Преступлении и наказании» // Актуальные проблемы современной науки. М., 2014, №6. С. 50-51.

3. Ма Вэньин. Имя персонажа в преподавании русской литературы

иностранным учащимся // Тезисы докладов V Международной научно-практической конференции «Русский язык и культура в современном образовательном пространстве». М., 2014. С. 86-88.